

НУЛЕВАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ

АЛЕКС ИОНКИН

18+

Алекс Ионкин

Нулевая Совместимость

<https://litres.ru/73013187>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире болят не души. В этом мире ломаются кости.

Мир задыхается в токсичном иле. Наверху, в сияющем белом Шпиле, элита наслаждается стерильностью. Внизу, под кислотными дождями Секторов, мусорщики переваривают их отходы.

Гаррик — старый сапер в изношенном экзоскелете, чья единственная цель — вырвать у пустошей еще один день жизни для дочери. Майя — живой дефект. Без подавляющей химии она чувствует, как пульсирует «Гниль» — радиационная чума, сжирающая планету.

Рутинная вылазка в руины оборачивается катастрофой. В их руки попадает артефакт, из-за которого саму физику пространства выворачивает наизнанку. Теперь они — мишени. Небеса расчерчены лазерами орбитального удара, готового превратить Четвертый Сектор в стекло. А по их кровавому следу спускается фанатичный инженер, уверенный, что Майя — идеальный скальпель для вскрытия мироздания.

Им не спасти вселенную. Им бы просто выжить.

Темная, осязаемая фантастика о том, сколько свинца и боли стоит право на один чистый вдох.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	51
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алекс Ионкин

Нулевая Совместимость

Глава 1

Скх-р-р. Тк.

Правый опорный поршень выплюнул гидравлическую жидкость в пустоту. Выработавший ресурс сервопривод подавился собственным тактом, схлопываясь с сухим, крошащимся хрустом сточенных шестерней. Тридцать килограммов мёртвого титана и кислотных аккумуляторов, намертво стянутых ремнями на спине Гаррика, рухнули вниз. Кинетический удар прошёл по металлической штанге экзоскелета, прошив мышечные волокна бедра, и вколотился прямо в тазобедренный сустав. В пояснице вспыхнула короткая, ослепляющая искра разорванной нейронной связи.

Связки на горле Гаррика натянулись под влажным воротником. Ни звука.

Центр тяжести сместился. Широчайшие мышцы спины зашлись горячей судорогой, гася инерцию падающего железа на одном лишь животном упрямстве. Стертый до лысой резины протектор левого сапога заскользил по наклонной бетонной плите, скрытой под слоем бурой слизи. Подошва потеряла зацеп. Голень ушла в тяжёлый, маслянистый кисель

по щиколотку. Структура бывшей почвы давно переварилась радиационным фоном в биологически активную щёлочь, которая прямо сейчас начала медленно растворять резину. Химия жгла через подошву тупым, нарастающим теплом.

Гаррик перенёс вес на правую ногу. Чав-вк. Субстанция неохотно разжала холодную вакуумную хватку. Следующий шаг выдавил из моторов натужный, задыхающийся гул и сиплый свист забитой грязью вентиляции.

Замкнутый контур брони агонизировал. Жёсткий кевларовый уплотнитель горловины давно стёр кожу на кадыке до влажной сукровицы. Солёный пот смешивался с конденсатом выработанного углекислотного фильтра, едко въедаясь в микроскопические порезы. Гаррик провёл сухим языком по верхней губе. На рецепторы лёг вкус кислого пластика и многократно переработанного лёгкими выхлопа.

Дальше поцарапанного ветками, измазанного в сером мазуте визора мир растворялся в аномалии. Влага в Четвёртом Секторе не подчинялась гравитации. Свинцовые капли не падали сверху — они просто материализовывались в пространстве, зависая в воздухе плотной взвесью и оседая на плечах экзоскелета жирной химической плёнкой. Заплечный регенератор заходился астматическим хрипом, пытаясь отфильтровать густую вонь горелой проводки и мокрой шерсти больной фауны.

— Дистанция. — Гортань Гаррика выдавала сухой, механический щелчок. Мышцы трапеции окаменели под весом ра-

мы, любое вращение шейных позвонков грозило спазмом.

Прямо в ушную раковину ввинтился треск радиации — влажный, надрывной хруст рвущейся фольги.

— ...полтора. — Звук, пробившийся сквозь статику, был абсолютно плоским. Химическая депривация «Блокатора» срезала из голоса все человеческие частоты. — След в след, Гаррик. Только ботинки... скользят. Подошва замылилась.

В углу рта Гаррика дёрнулась мышца. «Гаррик». Фармакология работала исправно, вычищая из нейронных связей само понятие «папа» и оставляя лишь функциональный протокол движения за ведущим объектом.

— Не топай. — Он погасил скорость, занося ногу над ржавой арматурой, торчащей из сгнившего бетона словно порванные мёртвые сухожилия. — Мы на новом маршруте. Здесь дно зыбкое. Смотришь не только под ноги, но и в стороны. Засечёшь движение сбоку — сразу стоп. Не анализируй, просто тормози.

— Да нет тут никакого движения... — Динамик передал долгий, тягучий выдох, сопровождаемый зевком. — Вся палитра смазанная. Звон стоит ровный, серый. Скучно. Даже комары сдохли.

Скучно. Гаррик стиснул челюсти. Под мокрым рукавом ватника микроскопический боек дозиметра методично долбил по нервам: тик... тик-тик... тик.

— Скучно — это безопасно. — Спазмированное горло выдало глухой рубленый звук.

Окружающая органика давно потеряла право называться лесом. Выбеленные фоном стволы тянулись из жижи, как отполированные песком рёбра провалившегося под землю колосса.

Скользкий по серой геометрии взгляд Гаррика запнулся о сбой в монохrome. В трёх метрах слева по вектору движения, на гладком стволе осины, бугрилась аномалия. Бархатный тёмно-бордовый кокон. Спящая споровая колония «Красняка». Закрытая пасть грибницы, способная проплавить синтетику и добраться до венозного тепла за доли секунды.

Левая рука Гаррика вскинулась вверх, сжимаясь в кулак.

Позади ещё дважды тяжело и мокро зачавкала спрессованная грязь. Заторможенная транквилизаторами нервная система потребовала секунду на обработку визуального сигнала, прежде чем шаги оборвались.

— Девять часов. — Губы Гаррика едва шевельнулись. Экзоскелет замер монолитом. — Колония на уровне пояса. Видишь?

— ...бордовый? — В плоском шёпоте динамика читалась лишь отстранённая констатация факта. — Да. Пятно. Пульсации нет. Температура среды. Оно холодное, Гарр. Просто спит. Можно пройти, если не почувствует тепло.

— Не рискуем. — Медленный перенос веса тела на правый сервопривод. Проверка узла на разрыв. Сочленение удержало ось. — Обход справа по дуге. К кустарнику не

жмись, там могут быть ловушки. Дистанция три метра. Пошла.

Плечо армейского костюма химзащиты шуршащей тенью скользнуло мимо его визора. Хрупкий каркас девичьего тела терялся в складках мешковатого неопрена, перекошенного под тяжестью кислородного рюкзака. Лицо за залитым мазутом стеклом скрывал глубокий капюшон.

Она выдержала радиус обхода, не позволив инфракрасному следу от теплоотдачи костюма потревожить температурный фон кокона.

Хруст мелкого щебня впереди оборвался.

— Здесь тупик. — Звук из наушника лишился даже остаточных обертонов.

Пространство сомкнулось. Упавшую секцию вентиляционной трубы наглухо перекрывала мутировавшая биология. Вздутые, похожие на перекормленных пиявок лианы намертво сплелись со ржавым железом, образуя монолитную баррикаду. Сквозь маслянистый секрет на стволах медленно, тягуче сочилась серая влага, собираясь в висящие липкие нити.

Гаррик переставил ботинки вплотную к стене зарослей. Точка опоры изменилась. Верхние крепления экзоскелета с силой вдавили титановые рёбра прямо в его позвоночник.

— Не тупик, — выплюнул он, сканируя переплетение плоти и металла. — Мембрана.

Координаты маршрута требовали пробить эту клетчатку

насквозь. Грубый механический распил вызовет акустическую волну, которая соберёт всю спящую по периметру фауны. Рубить топором — похоронить сталь в амортизирующем желе. Левая рука в массивной кевларовой перчатке опустилась к тактическому поясу. Деревянные от напряжения и холода фаланги сомкнулись на фрезерованном алюминии цилиндра.

Большой палец сдвинул тугой рычаг блокиратора. В узкую щель податчика со змеиным шипением ударил газ под высоким давлением: сс-с-с-с. Микроимпульс пьезоэлемента.

Вз-з-вуп!

Абсолютную серую хмарь распорол ослепительный, хирургически точный синий клинок ионизированного пламени. Удар спектрального света выжиг родопсин на сетчатке. Тени дернулись, проваливаясь в чёрные контрастные разломы. Носоглотка Гаррика мгновенно забилась едкой сухостью концентрированного озона.

— В сторону. — Он резко шагнул вперёд, перекрывая корпусом возможный выброс вскипевшей кислоты, оттесняя дочь за границу поражения.

— Это синий спектр... — Динамик выдал гипнотическое бормотание, пока стекло её визора отражало пляшущую голубую дугу. — Он острый. Режет воздух до дыр. Красиво... Гарр, пространство воеет, когда ты так делаешь.

— Потерпит. — Челюсти сомкнулись намертво.

Гаррик вогнал острие плазмы прямо в эпицентр узла, где

разбухшие вены растения обнимали гнилой металл трубы.

Накопленная в клетках вода не успела вспыхнуть — она мгновенно перешла в газообразное состояние. Волокна взорвались изнутри с оглушительным, мокрым хлопком. Лианы скрутило судорогой. Клеточный сок закипел, пузырясь и схлопываясь перед температурой в четыре тысячи градусов.

П-ш-ш-ш. Раскалённый металл захлёбывался в мазутной жиже, выплёвывая струю едкого пара. Через фильтры шлема прорвался удушливый, липкий смрад горячей заживо органики и плавящегося хитина. Мышцы спины заныли — Гаррик медленно повёл кистью, вычерчивая полукруг. Растения рвались с тошнотворным треском лопающихся тканей. Скрытый внутри швеллер прошёл стадию вишнёвого свечения и потёк мягким воском.

Структура потеряла точку опоры. В глубине проёма грузно, с глухим ударом обрушился пласт сгоревшей массы. В завале появилась обугленная, исходящая густым паром брешь.

Палец сбросил давление на гашетку. Клинок плазмы втянулся в форсунку с резким щелчком, швырнув пространство обратно в серый монохром. На внутренней стороне век расплывались жирные, пульсирующие фиолетовые пятна.

— Хватит глазеть. — Бронированный носок сапога врезался в оплавленный край мембраны, сбивая красную от жара окалину. Экзоскелет жалобно взвыл от смены вектора нагрузки. — Лезем. Металл не трогать. Края ещё горячие.

Мешковатый силуэт качнулся вперёд. Майя втянула пле-

чи, её заторможенные рецепторы инстинктивно улавливали инфракрасный фон остывающего прохода. Химзащита шурхнула о бетон. Её фигура мгновенно провалилась в непроглядную черноту трубы, поглотившую даже блики тактических фонарей.

Гаррик перенёс вес на сервопривод. Поясничные позвонки хрустнули — он сложил своё тело вдвое, загоня широкую раму экзоскелета и собственную грудную клетку в узкое, воняющее гарью окно. Железо заскрежетало по бетону.

Внешняя влага отрезалась разом. Внутри трубы стоял сквозняк — сухой, лишённый биологической гнили, насыщенный исключительно дисперсной цементной пылью и трупным холодом инженерного сооружения.

— Выход на Магистраль. — Эхо исказило плоский голос Майи, заставив его многократно отразиться от каменного свода. — Бетон звенит низко... Чисто. Металла много. Странно. Стены стоят слишком ровно. Они словно ждут... чтобы мы ошиблись.

— Стены умеют только молчать, мелкая. — Гаррик с силой вытолкнул застрявшее в горле дыхание, выпрямляя спину под мёртвым весом тридцати килограммов металла. Защемивший нерв отозвался коротким, обжигающим импульсом по левому бедру. — Двигаем к центру.

Сухой сквозняк трубы оборвался на первом же шаге за порогом.

Ветер Магистральной ударил в лицо с физической массой —

тяжёлый, насыщенный ледяной водяной пылью, которая была по визору с частым, дробным треском и оседала на стекле серым налётом. Гаррик моргнул, сгоняя мутную плёнку. Под ногами вместо цементной крошки оказался выветренный до крупного абразива шлак и гигантские, изъеденные химической эрозией опоры мостов, уходящие в свинцовое месиво неба.

Правый сапог соскользнул с осклизлого края полимерной плиты. Подошва с глухим ударом впечаталась в голый камень. Вибрация прошла берцовую кость.

— Держись зелёнки, — связки Гаррика сжались, выталкивая слова сквозь плотный рев потоков воздуха. — На плиты не лезь. Ветер выстудит. Щели в броне за минуты пробьёт.

Майя ступила на бетонный настил следом за ним. Её фигура в раздутом, не по размеру мешковатом скафандре химзащиты застыла, оборвав кинетику шага. Ботинок повис в сантиметре над лужей. Голова в капюшоне неестественно, рывком завалилась к левому плечу, словно шейные позвонки потеряли жёсткость.

— Железо старое... — слова прозвучали глухо, пробиваясь сквозь фильтры маски. Дикция плыла, разъедаемая циркулирующей в крови фармакологией, но смысл подавался ровно. — Гарр... опоры гудят. Низко. У них внутри напряжение. Тока нет, но металл вибрирует. Аж зубы сводит.

— Пусть хоть гимн Гильдии воют. Лишь бы на нас не сложились.

Гаррик плотно сцепил челюсти. Жевательные мышцы светло холодной судорогой — температура падала. Правая сторона экзоскелета, измученная недавним термическим перепадом при резке обшивки, реагировала на холод с упрямым сопротивлением. Густеющая в шарнирах смазка превращала каждый шаг в преодоление трения.

Оптическая панорама впереди состояла исключительно из геометрии распада. Рыжие, пористые от въевшейся коррозии провалы заводских цехов справа. Слева — вросшие в спрессованный шлак мёртвые вагоны монорельса с лопнувшими окнами. Каждая поверхность дышала рыжей, окислившейся трухой.

Идти в открытую по плитам противоречило рефлексу. Мышечная память спины требовала глухой преграды позади. Но обход через технические джунгли стоил бы им критического запаса калорий и часов рубки композита.

— След в след, — выплюнул Гаррик в серую взвесь. — Не отставать. Кучи мусора не трогать. Старая охранная сетка. Сработает капкан — ногу откусит, не успеешь вскрикнуть.

Майя качнулась вперёд. Она ставила подошву плоско, перекатывала вес без удара пятки, в точности копируя его рваный, крадущийся шаг. Гаррик заметил это краем визора — хрупкий каркас в мешковатом неопрене двигался тише, чем позволял её вес.

Они преодолели двести метров. Белый шум дождя и завывания в конструкциях сожрали все остальные частоты. В

этой полосе не было скрипа жести, шороха грызунов или хруста оседающей крошки. Только ветер, бетон и вода, бьющая по камню.

Изменение среды началось не со звука.

Гаррик завис, инстинктивно погасив инерцию шага, удерживая тридцатикилограммовый баланс на одной ноге. Толстая резина подошвы вибрама, стелька, кевларовый чулок — и прямо в пяточную кость толчками пошёл тяжёлый, слепой ритм.

Чёрная, стянутая бензиновой радужкой лужа в метре от его сапога вздрогнула. Идеально ровные концентрические круги нарушили хаос дождевых капель. Удары огромной массы о твёрдую породу.

— Сейсмика? — Майя остановилась позади. Её сбитый химией мозг анализировал физику явления, игнорируя угрозу. — Нет. Шаг. Ритмичный. Тонна... или больше.

— Вниз! — воздух резким толчком вышел из лёгких Гаррика.

Он сбросил баланс, левая рука в латной перчатке намертво вцепилась в брезентовую лямку Майи. Мышечный рывок, поворот корпуса — и он с силой впечатал её вес вместе со своим в землю, смещаясь к обочине.

Под покореженным, изъеденным язвами ржавчины бортом опрокинутого тягача оставалась клиновидная, залитая жидкой грязью полость.

Броня лязгнула о скрытый в жиже камень. Гаррик рухнул

следом за ней, закрывая спиной, закованной в серый пластик и сталь, грязный просвет укрытия. Острая грань бетона впилась в ткань подмышкой, рёбра отозвались тупой болью, но он с силой вдавил себя во влажный грунт.

— Выжигатель... — пальцы правой руки лихорадочно вмяли тумблер на поясе. Реле сухо щелкнуло. Тепловой контур начал остывать. Лишний градус инфракрасного излучения сейчас гарантировал им вскрытие.

Колебания бетона проникли в рёбра. Грудная клетка принимала дрожь плит как удары дефибриллятора.

Из серой, иссечённой дождём завесы материализовалась геометрия. Метрах в семидесяти от них.

Массивная, перекошенная на один бок груди довоенного металла. «Центурион» МК-1. Пять метров искорёженной, собранной из несовместимых деталей брони. Правая гидравлическая опора, вывернутая в коленном узле под противозастенным углом, с металлическим скрежетом волочилась по плитам, оставляя за собой борозду выкрошенного бетона. Левая опора работала как забивающий сваю поршень — поднималась, падала, дробила камень в серую муку, поднимая дрожь.

Блок сенсоров, вырванный из гнезда, висел на толстой кишке искрящих кабелей, раскачиваясь маятником у грудной пластины. Правого пилона с роторным орудием не существовало — только рваная рана в металле, покрытая чёрной гарью. На левом пилоне матово поблёскивало сопло ог-

немёта. Трубки давления были туго набиты химией.

— Ломает... — дыхание Майи скользнуло по его плечу. Она лежала в мазутной грязи, прижав щиток шлема к его броне. Поликарбонат изнутри покрылся испариной, но её заочевенные пальцы до боли впились в ткань его рукава.

— Тихо. Дыши через раз.

Ноздри Майи расширились под респиратором.

— П... Гарр, там не только старая гидравлика. — поправилась она, запинаясь о действие препарата. — Воняет. Горелой органикой... У него внутри... под бронеплитами наматало на валы что-то мясное.

Широкая, покрытая химическими ожогами ладонь Гарри-ка с силой впечаталась прямо в её лицевой щиток, перекрывая клапаны выдоха. Только не это наведённое восприятие. Не сейчас.

В Нижнем Городе ходили слухи, что старые дроны собирают из запчастей и «подножного корма» новые формы жизни, встраивая их в свои гниющие цепи.

Машина сбросила инерцию. Корпус со скрежетом перераспределил вес. Болтающийся на проводах оптический узел дёрнулся, фокусируя линзу. Тусклый, с рассеянным из-за трещин фокусом лазер дальномера ударил в плиты. Мутно-красное пятно высокой интенсивности поползло по лужам.

Тяжёлый вой сервоприводов. Луч сместился, выпаривая воду с бетона с резким шипением, останавливаясь в трёх

метрах от опрокинутого тягача. Лазер искал разницу температур.

Кровь стучала в висках Гаррика с такой силой, что пульс отдавался в затылке тупыми ударами. У него в кобуре — плазменный резак. Против пяти метров броневой стали и баков с напалмом — кусок бесполезного мусора. Выключить тело. Замедлить метаболизм. Погасить теплоотдачу в грязь.

Лежащая под ним Майя внезапно дёрнулась. Мышцы её спины напряглись.

— Ему... нечем сбросить ошибку, — сиплый выдох просочился сквозь фильтры, прорываясь через оцепенение. Судорожная фиксация химического транса на мёртвом алгоритме. — Логика заперта. Он ищет внешний порт... чтобы прервать свой процесс.

Сенсор машины лязгнул. Красный луч сорвался с камней и мазнул по облысевшей крышке тягача прямо над ними. Запахло перекалённой резиной.

Сухой шелчок клапана.

Внутри сопла огнемета на левом пилоне вспыхнуло бледное пламя дежурной горелки. Голубоватый язычок жадно задрожал, сжигая кислород, готовясь выплюнуть давление из баков. Сенсоры выхватили температурную аномалию. Размытый тепловой контур в нагромождении ржавых узлов... или две единицы органики в грязевой ванне под ним.

Мышцы Гаррика превратились в монолит.

— Молчи, — одними губами, ломая лицевые нервы от на-

пряжения, выдохнул он.

Давление в баках свистело сквозь микротрещины. Машина выжидала. Аппаратный конфликт в мёртвой электронике перевешивал данные тепловизора. С громким, напоминающим человеческий выдох шипением клапаны стравили излишки газа в атмосферу белым облаком пара. Огонёк пилотной горелки втянулся обратно в сопло.

Привод левой ноги взревел, выдёргивая поршень из бетона. Масса металла сдвинулась с места. Шаг. Ещё шаг. Скрежет вывернутого сустава. Вибрация начала медленно, с неохотой рассеиваться в дожде, оставляя после себя только едкую вонь горелого мазута.

Мышцы живота Гаррика мелко, неконтролируемо затряслись — спазм отпускал, оставляя привкус меди на языке. Он не поднимал головы, пока толчки окончательно не растворились в гуле ветра.

— Ушёл... — Майя с трудом вывернулась из-под его локтя. Движения были вязкими, раскоординированными.

Гаррик упёрся левой перчаткой в грязь, отлепляя своё тело от земли. Металл экзоскелета скрипел от набившейся в зазоры крошки.

— Патруль? — хрипнул он в сторону удаляющегося сквозь туман силуэта. — Или дикий?

Майя подтянула колени к груди, привалившись плечом к холодной резине колеса. От неё разило разложившейся органикой и соляжкой. Она потёрла грязной перчаткой щиток,

размазывая мазут по пластику. Глаза под стеклом казались воспалёнными, с неестественно расширенными зрачками.

— Не дикий... Потеряшка. — выдохнула она ровным, лишённым интонаций голосом. — Цепи сгнили. Но там... дальше. За бетонными блоками.

Её рука в массивной перчатке медленно поднялась, указывая в серую пасть индустриальных развалин по вектору их маршрута.

— Что там? — Гаррик резко повернул корпус. Мышцы шеи свело напряжением.

— Пространство... грязное. — Она уставилась на свои залитые жижей ладони. — Там фон другой. Он «жует» пространство. Как собака кость. Слышишь? Там не звенят механизмы. Там гудят... струны?

— Я слышу только, как у тебя рецепторы коротит от препаратов, — сухо отрезал Гаррик, сдирая налипшую на суставы коленей грязь. Шлак с мерзким хлопаньем отвалился от пластика. — Поднимайся. Если этот кусок лома не проломил плиты, мы пройдем. Света — тридцать минут.

Он протянул ей левую ладонь, затянутую в кевлар. Правая перчатка экзоскелета осталась неподвижной. Майя вцепилась в ткань и легко, без усилия с его стороны, встала на ноги. Вес пустого скафандра.

— Сигма-9? — спросила она так же сухо, стряхивая капли с рукавов.

— Она самая, — Гаррик вдавил фиксатор «Выжигателя»

в крепление на бедре. — Мёртвая зона. Ни линз, ни патрулей Гильдии. Идём.

— На неё вчера ложился чёрный свет, — вдруг сказала она невпопад, пока Гаррик разворачивался к лабиринту. — Я видела во сне. Чёрное солнце накрыло белое.

— Заканчивай с поэзией, — слова упали тяжело, как камни. Он начал движение, проламывая телом потоки ветра. — Сканируй плоскость. Следующий лист ржавчины может прошить тебе ботинок.

Полимерные подошвы бесшумно ударили в бетон. Сумерки плотным, холодным слоем начали заливать узкие коридоры между цехами, поглотив их силуэты на первом же повороте. Вой ветра растворился в скрипе металла.

Глава 2

Тишина навалилась сверху влажным прессом. По обочинам растрескавшейся бетонки, уходящей в серую взвесь тумана, гнили карьерные гиганты. Тридцатиметровые стрелы экскаваторов с вмерзшими в землю ковшами перекрывали остатки тусклого неба. Под слоями окаменевшей грязи и свисающей с гусениц мокрой трухи в виде белесого лишайника угадывались монструозные цилиндры роторов. Здесь не было ветра. Воздушные потоки разбивались о броневые плиты механизмов прошлой эры, оставляя пространство в вязком, почти жидком оцепенении.

Звук шагов по крошеву асфальта доносился с секундной задержкой, ударяясь о ржавые борта и возвращаясь плоским, мертвым хлопком.

Лямка рюкзака, напитавшаяся конденсатом, вгрызалась сквозь жесткий кевлар в трапециевидную мышцу. Под пластинами брони тянуло старый шрам. Сустав ныл предчувствием изменения давления.

— Не крути головой. — Гортань Гаррика выдала сухой хрип, резонируя в шлеме. Он не оборачивался, но затылком чувствовал сбитый, неровный ритм шагов за спиной. — Уши тебе на что. Слушай слепые зоны.

Майя шаркала по крошеву ровно за его левой пяткой. Ее зрачки, расширенные медикаментами до состояния чер-

ных таблеток, равнодушно скользили по колоссальным тушам механизмов. Ни страха. Только механическая фиксация отклонений.

— Они не выключены, — слова в наушнике Гаррика разорвались треском статических помех. — Спят. Совсем не как Хромой с огнеметом. Здесь батареи вытекли... пустая жесть, Гарр. Просто холодная.

— Ага. Жесть отлично режет сухожилия, — бросил он в микрофон, тяжело перенося вес брони через впаянный в асфальт узел колючей проволоки.

Спустя десяток метров среда сломалась.

Влажность резко исчезла. Словно кто-то провернул невидимый вентиль. Воздух стал сухим, колким, отдавая на корне языка привкусом старых медных монет. Кожа на открытом участке подбородка стянулась. Волоски под термобельем неприятно зашевелились, подчиняясь нарастающей статике. На запястье, в слепой зоне периферийного зрения, забился в конвульсиях желтый диод дозиметра.

Динамик выплюнул серию сухих щелчков, перешедших в непрерывный треск. К-к-ххр-р.

Фон. Та самая незримая граница, где законы физики начинали выворачиваться наизнанку, электроника захлебывалась собственными алгоритмами, а у людей без защиты лопались капилляры в деснах.

Туман впереди разошелся, срезанный идеально прямой линией. Из бетона рос Монолит.

На фоне окружающего гниения и распада он вызывал инстинктивное отторжение. Абсолютная, лишенная текстуры плоскость. Черная стена уходила вверх за границу видимости и пробивала фундамент мертвого завода, не имея ни единой царапины, ни одного пятна коррозии на своем чужеродном фасаде. Плоскость поглощала остатки света, не давая ни единого блика. Никакой фактуры.

У самого основания, образуя вертикальную нить абсолютного мрака, угадывался молекулярный шов. Технический шлюз.

— Дошли, — Гаррик сбросил газ на пневматике, перенеся массу экзоскелета на левую ногу. Правое бедро горело тупой болью после марш-броска. — Работай.

Майя вынырнула из-за его спины. Мешковатый серый балахон зашуршал. Она подняла левую руку в массивной грязезащитной варежке на уровень груди, остановив ладонь в десяти сантиметрах от невидимой линии шлюза.

Ткань на ее пальцах начала мелко вибрировать.

— Густо, — её голос лишился интонаций, превратившись в машинную сводку. — Завихрение по левому вектору. Там... внизу, за камнем, что-то бьется на холостом ходу. Суб-контр-октава. Нота ля.

— Статика щитки не спалит, если я ломом туда полезу?

— Нет. Камни сами держат форму. Пассивный контур. Можно лезть.

Она резко опустила руку. Плечи обвисли, позвоночник

изогнулся. Синтетический блокатор паники в ее кровотоке отсек эмоциональную реакцию на аномалию, оставив лишь животную усталость от перекачки сырых данных.

— За спину. — Гаррик махнул гидравлическим приводом правой руки в сторону “слепого” угла у стены. — Вжаться. Забрало опустить. Если рванет давление изнутри, я успею поймать волну броней. А тебя разберет на молекулы. Выполнять.

Она беззвучно шагнула в тень, слившись с грязным бетоном.

Гаррик подошел вплотную к шлюзу. В ледяной, абсурдно гладкой черноте перед его визором на долю секунды отразился перекошенный, обвешанный подсумками и свинцовыми пластинами силуэт.

Свободная левая рука скользнула к набедренному креплению. Пальцы, задубевшие в кевларовых перчатках, намертво сомкнулись на ребристой рукояти гидравлического клина. Спасательные “Челюсти”, вес которых едва не выламывал кисть без упора. Тяжелый, промасленный и покрытый зазубринами металл.

Он жестко сбил комя грязи с цилиндра об колено. Присел, насилуя хрустнувший коленный сустав. Внизу, в полуметре от стыка с грунтом, гравитация победила вечность Зодчих — нашелся скол. Микроскопическая, изъеденная эрозией щербина.

Удар основанием ладони по торцу. Жало клина со скре-

жетом въелось в породу.

Гаррик перехватил рычаг ручной накачки.

Пш-ш-тук. Пш-ш-тук.

Клапан хрипел смехотворно тихо. Десять тонн давления методично впрессовывались в щель. Монолит дрогнул.

Стена выдала длинный, низкочастотный стон лопающихся внутри структурных связей, отдавшийся вибрацией прямо в подошвы ботинок. Толщиной в полметра, створка подалась назад.

— Еще... сука... давай... — Гаррик навалился на рычаг предплечьем, упираясь рифленой подошвой в скользкую жижу.

Из микроскопического зазора обдало спрессованным, тысячелетним холодом.

Клапан инструмента завизжал. Тонкая струйка перегретого гидромасла брызнула из-под сальника прямо на усиление перчатки Гаррика, ударив в визор едким запахом паленой химии. Поршень дошел до мертвой точки. Давление уперлось в предел. Дальше клин лопнет.

Гаррик проглотил кислую слюну. Дыхание сбилось в рваный сип.

Он протиснул пальцы правой, экзоскелетной руки в образовавшуюся брешь. Титановые фаланги заскрежетали по камню. Развернулся спиной к правой створке, упираясь баллонами респиратора в левую.

— Контур... без ограничений. — выдавил он в воротник.

— Режим домкрата.

Батареи за спиной взвыли, перекрывая шум крови в ушах. Трансформаторы начали закипать, обжигая поясницу сквозь теплоизоляцию.

— Да-ва-й...

Гаррик напряг бедра. Его собственные связки натянулись до состояния струн. Человеческое мясо вступило в конфликт с индустриальной мощностью. Если гидравлика повернет ось чуть сильнее, она просто раздробит его таз, вырвав ноги из суставов. В плече влажно хрустнуло.

ТРАХ-Х!

Абсолютно сухой, винтовочный выстрел сломавшегося внутреннего запора разорвал тишину Зоны.

Створку вырвало с корневым хрустом. Гаррика крутнуло по инерции. Лишенная точки опоры, груды брони и костей рухнула в темноту.

Колени жестко встретились с идеально ровным полом. Металлические щитки взвизгнули, скользя по камню. Удар отдался в челюсть, зубы клацнули, прикусывая внутреннюю сторону щеки. В рот хлынула горячая, густая медь. За спиной попыталась схлопнуться дверь, но вывернутые с мясом направляющие не дали створке хода. Многотонный массив дернулся, испуская предсмертный гул, и осел на перекос, оставив идеально ровный, перекосившийся просвет.

Рваное дыхание Гаррика билось о глухие стены предбанника. Он стоял на четвереньках в абсолютном визуальном

ничто. ПНВ выдавал слепое зеленое марево.

— Гаррик? — надтреснутый шепот Майи протиснулся в шлем сквозь помехи вместе с шумом ветра из внешнего мира. — Живой?

Он мотнул головой, разгоняя плавающие перед глазами серые пятна. Медленно, упираясь руками в пол, перенес вес на стопы. Позвоночник отозвался тупой болью. Проглотил кровь.

— Норма... Щемись сюда. Быстро.

Телескопический щелчок наплечного фонаря.

Плотный луч галогена выхватил из мрака идеальный куб три на три метра. Грязь на подошвах Гаррика заканчивалась ровно в миллиметре от порога открытой створки. Дальше лежал материал, не поддающийся анализу глаза. И абсолютная, пугающая сенсорная стерильность. Воздух здесь не имел пыли, влажности или запаха. Он обжигал легкие полным химическим вакуумом.

Майя втиснулась в зазор боком, скрежеща баллонами по створке.

— Намертво встала, — её шлем стукнулся о плечо Гаррика. Она почти вжалась в экзоскелет. — Хорошо. Выход должен быть.

— Задача — сектор “Памяти”. Первые ряды «аквариумов». За мной.

Он шагнул за пределы предбанника в длинный зев коридора. Свет фонаря заметался по стенам. Полировка поверх-

ностей была настолько совершенной, что отражала луч миллионы раз, растворяя границы верха и низа. Пол, потолок и стены слились в единую вращающуюся трубу. Вестибулярный аппарат Гаррика дал жесткий сбой — икры рефлекторно напряглись, пытаясь удержать равновесие в центре невесомости.

Дыхание Майи в наушнике сорвалось в паническую гипервентиляцию.

— Оно гнется... — голос вибрировал, срываясь на высокие ноты. — Углы. Они заворачиваются внутрь себя... Гарр. Меня сейчас стошнит. Желудок сводит от этой физики.

— Вниз не смотри. Смотри мне в лопатки, — процедил он сквозь стиснутые зубы, фокусируясь на одной неподвижной пылинке в луче фонаря.

— Твоя спина... слишком темная. Ржавая.

— Вот и пялься на ржавчину. Двигай ногами.

Каждый шаг давался с трудом. Трение шарниров заглушало мысли. В этом акустическом мешке время потеряло плотность. Гаррик ориентировался только на счетчик пройденных метров на визоре. Шестьдесят. Восемьдесят. Сто.

На отметке “сто двадцать” материал под подошвой исчез.

Гаррик рефлекторно откинулся назад, перенося вес на пятку за долю секунды до того, как его левый ботинок рухнул бы в пустоту. Пол обрезало идеально ровной чертой. Дальше — пропасть.

Луч фонаря дернулся вниз, пытаясь нащупать дно колод-

ца, и растворился во мраке. Снизу, из исполинской вертикальной шахты, дыхнуло сухим, режущим горло холодом. Градусов десять ниже нуля. Это была не вентиляция. Шириной метров в сорок. Вверх уходили циклопические ребра жесткости, усеянные каплями конденсата, искрящимися в свете галогена.

Вдоль гладкой стены, словно прилипший к ней капилляр, витками уходил вниз пандус шириной около метра. Никаких ограждений. Никаких перил.

— Колодец... — Гаррик с трудом выдавил слово, чувствуя, как пересохшее горло царапнула паника. Масса экзоскелета вдруг показалась невыносимой. Один смещенный центр тяжести на этой полоске бетона — и инерция утащит его в чернильную мглу.

Майя встала рядом. Мутные, расширенные зрачки смотрели не в бездну, а прямо на стену шахты.

— Вибрация... — она прислонила пальцы в перчатке к ледяному камню. Пар от ее дыхания оседал на пластике визора. — Там снизу тянет холодом. Они оставили систему включенной. На подсосе.

Щелчок карабина был неестественно громким. Гаррик перекинул полутораметровый стальной трос от пояса своей брони к разгрузке на ее балахоне. Жестко затянул муфту. Металл звякнул, связывая их тела в единую гравитационную массу.

— Левым плечом трещься о стену, — голос Гаррика про-

звучал как работающий поршень, сухо и монотонно. — Я ве-
шу двести килограмм в броне. Ты — пятьдесят.

Она перевела взгляд на натянутый трос.

— Если мою подошву поведет на конденсате, кинетика
сорвет тебя следом. Как только почувствуешь рывок — у те-
бя одна секунда. Достоешь стропорез. Режешь фал.

— Я не...

— Режешь. Иначе внизу будет два трупа вместо одного,
— он отвернулся, жестко фиксируя визор на первом витке
пандуса. — Шагай.

Первый шаг за границу площадки дался мучительно. Са-
пог оторвался от ровного бетона и опустился во тьму, нащупав
сухой, стеклянно-гладкий наклон винтового пандуса.

Спуск в грави-колодец не был ходьбой. Это была борьба
с вектором притяжения, который забыл, где находится дно.
Здесь, в абсолютно круглом, циклопическом жерле лифто-
вой шахты, не было перил со стороны обрыва. Справа —
клубящийся, ледяной мрак, слева — монолитно-черная сте-
на облицовки.

Как только Гаррик перенес вес на первую ступень спира-
ли, акустика мира умерла.

Сзади, за толщей захлопнутой двери “Сигмы”, остался бу-
шующий циклон промзоны, но здесь тишина навалилась на
барабанные перепонки спрессованным куском свинца. Дав-
ление резко скакнуло. В ушах мерзко, с влажным хрустом —
ч-пок — лопнули воздушные пробки. Во рту мгновенно пе-

ресохло, а на языке осел вкус старых, окисленных контактов: кислая статика и пыль, которую никто не тревожил веками.

— Шаг... плотный. На полную стопу, — прохрипел он. Собственный голос в шлеме показался ему чужим, сухим шелестом. — Идем внатяг.

Магнитные фиксаторы на подошвах Гаррика лязгнули, присасываясь к металлической арматуре под полимером пандуса.

Его экзоскелет был исправен. Мощные, кустарно собранные из промышленных остатков сервоприводы были способны поднять тонну. Но здесь, в этом “кишечнике” Архитекторов, железо начало сходить с ума. Аномальное магнитное поле колодца цеплялось за контуры доспеха, как вязкая грязь. Каждый шаг требовал от гидравлики пиковых усилий. Двигатели на бедрах натужно рычали, трансформатор за спиной перегревался, выгоняя жар через кевларовый поддоспешник прямо между лопаток Гаррика. Машина боролась с неправильной гравитацией, вытягивая энергию из аккумуляторов на простой перенос ноги.

Тжж-ш-ш... Кланг.

Механический шаг. Колено взвыло, амортизируя невидимый удар снизу.

Трос-страховка, соединявший их, натянулся. Пуповина из армированного нейлона чуть дрожала.

— Не... не прямая, — голос Майи просочился в эфир липким, химическим сквозняком. В нем не было детской па-

ники, лишь сухое отупение диагноста, считающего сбои. — Стена не прямая, Гарр. Смотри в пол. Если смотреть на левый край... он загибается вверх. Глаза видят угол, а ноги... ноги проваливаются.

Гаррик поморщился, мотнув головой. Он сам это чувствовал. Желудок спазмировало дурнотой, как при жесточайшей морской качке. Вестибулярный аппарат кричал, что они падают вперед, хотя мышечные связки чувствовали ровный, двадцатиградусный уклон. Архитектура Зодчих игнорировала линейную перспективу. Это место строили не для людей. Оно дезориентировало двуногих просто формой своих стен.

— Держи взгляд на моих заклепках. — Гаррик вперился глазами в метр черного глянца прямо перед своими носками. — Смотри на спину. Мертвый горизонт.

Вниз. Виток за витком.

Воздух становился гуще, оседая в легких горькой изморозью. Свет наплечного фонаря Гаррика не рассеивался — он упирался в пространство, словно пробивал толщу застойной, мутной воды. Пылинки, висящие в луче, не падали. Они были зафиксированы в невесомости магнитных потоков.

Правый манипулятор экзоскелета вдруг дернулся, рука сама собой отскочила от тела на пару дюймов, влекомая мощнейшей индукцией из глубины центра шахты.

Гаррик стиснул зубы так, что заняли десны, и усилием плечевых мышц вжал стальную клешню обратно, к бедру,

перехватывая систему на ручной контроль контуров. Жри батарею, ржавая сука, но не тяни меня в пропасть.

— Фонит, — Майя дышала рвано, хрипло, но шаг держала ритмично. — Потоки... как медные нити толщиной с дом. Опоясывают. Там внизу спящий реактор. Он дышит. Один вдох в час.

— Пусть спит дальше. Мы тут тише пыли.

Когда угол наклона исчез, Гаррик не сразу это понял. Его тело, подготовленное к сопротивлению наклону, по инерции бросило вперед, и ему пришлось сделать широкий, лязгающий выпад стальным сапогом, чтобы не свалиться на колено.

Спираль кончилась.

Пандус выплюнул их на ровное, безграничное плато.

Гаррик остановился, тяжело опираясь руками о собственные бедра, переводя дыхание. Сердце колотилось в основание горла. Трос позади него ослаб — Майя сошла на плоскость и замерла, сгорбившись, как промокшая птица, восстанавливая баланс в контуженном внутреннем ухе.

Он поднял луч прожектора.

Грозная теснота шахты сменилась невыносимым, давящим простором. Машинный Зал. Усыпальница информации.

Высота потолков терялась далеко во мгле, туда не доставал свет, но оттуда, сверху, как столактиты в пещере, свисали гигантские, матовые фермы охладительных установок. Площадь зала была размером с летное поле крейсера. И вся

она была усеяна идеальными, выверенными рядами черных трехметровых призм.

Монолиты стояли ровно, выстроившись тысячами безмолвных стражей в этом ледяном некрополе. В зазорах между ними лежал густой, стелющийся туман. Он не имел влажной природы — это был скорее оптический эффект, слабое, флуоресцентное свечение статично разлагающегося эфира. Фиолетовая, клубящаяся радиоактивная пыль.

— Вот и библиотека, — шепнул Гаррик, вгоняя в грудь порцию мертвого воздуха. Выдох превратился в бледное облачко. — Теперь найти нужную «книгу» и не разбудить библиотекаря. Включай периферию. Нам нужен ряд с маркерами изоляции.

Он повел их вдоль центральной разделительной полосы, втертой прямо в покрытие.

Шаги гулко, шлепающе раздавались в акустическом вакууме. Туман неохотно огибал сапоги, цепляясь за щитки экзоскелета тонкими, светящимися щупальцами. Каждая черная призма, мимо которой они проходили, не имела стыков, проводов или дисплеев. Слепленный в единое целое непознаваемый сплав.

В визоре начало рябить от однообразия. Сотня черных столбов. Две сотни. Глаз цеплялся за геометрию, которая казалась безупречной, но стоит отвести взгляд — как монолиты периферическим зрением словно наклонялись в их сторону. Пассивная охранная психоделика.

Вдруг трос-пуповина коротко дернулся. Два раза. Условный сигнал.

Гаррик замер, как вкопанный, мгновенно сжимая рукоять плазменного резака. Экзоскелет жалобно проурчал, удерживая статичную позу.

— На два часа, — голос Майи был тихим, лишенным интонаций сканером. — Десять метров вглубь правого сектора. Туман... он её избегает.

Гаррик прищурился. Из-под слоя грязи на стекле было плохо видно, он крутнул головой, направляя фокус луча в указанное ответвление между рядами серверов.

Там, в глубокой черноте аллеи, туман действительно не лежал ровным слоем. Он образовывал идеальный пустой круг на полу. В центре этой плешки, очерченной изморозью, стояла тумба. Она была вдвое ниже остальных обелисков, шире, похожая на вдавленную в бетон гигантскую наковальню. Излучаемый ею абсолютный холод “выпивал” статику вокруг, делая пространство визуально чистым.

Её поверхность не поглощала свет. Напротив, в конусе наплечного фонаря Гаррика она ответила слабым, сальным блеском. И там, в центре панели, была гравировка — три пересекающихся кольца и треугольник. Метка Абсолютной Изоляции. Уровень “Ноль”.

Она. За этой дверцей лежит выход из трущоб. Билет на Верхние уровни.

— Ясно, — Гаррик сглотнул. Страх перед неизвестностью

отошел на второй план, пропустив вперед тупую, скрупулезную расчетливость ремесленника. — Держи позицию на стыке. Контролируй коридор. Займи мне спину. Если заметишь всплески тепла, рябь, что угодно — дергай трос на разрыв.

Он не стал дожидаться кивка. Тяжелым, лязгающим шагом Гаррик двинулся в ответвление.

Подойдя к вдавленной призме, он почувствовал, как температура вокруг упала еще градусов на десять. Пот под комбинезоном стал ледяным панцирем.

Вдоль основания монолита виднелась технологическая линия — шов крышки. Пыли там не было, её отталкивало невидимым полем.

Гаррик со скрипом, опираясь всем весом на живое левое колено, начал опускаться на пол перед тумбой.левой рукой он нащупал на тактическом поясе толстый, ребристый цилиндр. “Смыкатель”. Эмулятор допуска, собранный из кусков армейской электроники и изоленды.

Он стер лишнюю маслянистую грязь с кончика инструмента о сукно своих штанов. Повернул рычажок. На жале загорелся тусклый, безнадежный зеленый диод.

Гаррик прижался плечом к мертвому холоду черного композита.

— Давай, родная... Покажи, где у тебя вход...

Кончик щупа с металлическим скрежетом чиркнул по гладкой панели. Зацеп. Пальцы нажали на спуск «смыкателя». Жало вошло в порт. Гаррик уперся лбом в теплый, виб-

рирующий низкочастотным гулом бок стойки и прикрыл глаза, молясь богам мусорщиков, чтобы древние предохранители давно сгнили.

Глава 3

Маленький диод на теле прибора захлебнулся тусклым зеленым миганием. Внутри пластиковой коробки заскулил шаговый искатель, подбирая алгоритмы. Секунда. Две. Пять ударов сердца, гулким набатом отдающихся в ушных улитках.

Кх-х... Ч-ч-шлюп.

Звук не имел ничего общего с деликатными щелчками электронных замков. Так расступается мертвая плоть при аутопсии. Вакуумная герметизация, державшая плиту тысячу лет, капитулировала. Тяжелая, черная фронтальная секция сервера толщиной с танковую броню отвалилась от стыков с шипением стравливаемого газа. В лицо ударило запахом жженой хлорки, концентрированного озона и старого снега. Гаррик поморщился, сцепив челюсти, чтобы не закашляться — респиратор не справлялся с этим синтетическим смрадом вечности.

Секция подалась на пару дюймов и зависла на нижних петлях. Она весила килограммов двести, не меньше.

— Взяли, — глухо пробормотал Гаррик.

Он подвел стальную клешню исправного правого манипулятора под отвес плиты. Интерфейс экзоскелета мягко уколол шею импульсом обратной связи — система запросила авторизацию на перегруз.

— Полный контур. Плечевой упор.

Машинерия за спиной ответила коротким, агрессивным воем. Сервоприводы налились гидравлической кровью. Гаррик рванул на себя и вверх, вкладывая в движение мышцы бедер и мощь реактора. Толстенный композит скрипнул, отгибаясь в сторону с таким протяжным, выворачивающим душу скрипом, что казалось, будто монолит вопит от боли.

Щель расширилась до ширины плеч. Внутри колыхалась первозданная, лишенная фотонов тьма.

— Майя, подсвети, — бросил он, левой рукой потянувшись за стропорезом. — Не стой в слепой зоне.

— Гарр... — ее голос в наушнике был тонким, вязким. Он тянулся, словно ей трудно было разомкнуть губы. — Я стою. Но твоя тень... она еще нет.

Пальцы Гаррика замерли на рукояти ножа. Кожа под кевларовым воротом мгновенно покрылась ледяной испариной.

— Не понял. Членораздельно, — процедил он, не поворачивая головы, гипнотизируя вскрытый проем.

— Твоя тень на полу. В свете моего фонаря. Посмотри вниз. Только медленно.

Дыхание остановилось. Гаррик осторожно опустил подбородок к груди. Луч его собственного прожектора выхватывал кусок серого полимерного настила у сапог. Прямо под ногами, смешанная в перекрестье двух источников света, лежала резкая, чернильная проекция его тела с поднятой рукой.

Гаррик резко, дерганым движением опустил левую руку.

Пальцы в грязной перчатке ударились о бедро. Материя сработала моментально. Но тень на полу... осталась висеть.

Черный плоский силуэт руки лежал на бетоне еще целую долгую, невыносимую секунду. Он застрял во времени. Лишь спустя мгновение, словно спохватившись, тень с влажным, почти осязаемым шелестом — ссслю-юп — перетекла вниз, в слипшуюся кляксу у ног, нехотя принимая новую форму хозяина. В этом движении была ленивая, издевательская патология. Эфир стал настолько густым, что фотоны тормозили, пытаясь пробиться сквозь среду.

Время начало гнить прямо здесь, между серверами.

— Срань Архитекторов... Окружение лагает, — Гаррик сглотнул горькую слюну. Страх был конкретным, геометрическим. — Вязкость растет. Мы на самом дне воронки.

Он рванулся вперед, засовывая плечи во мрак вскрытого монолита, направляя луч света внутрь.

Там не было кремния. Не было проводов, клемм или привычной архитектуры микросхем. Нутро сервера представляло собой пустое пространство, в котором, словно в чреве паучихи, была сплетена подвесная корзина. Тончайшие, светящиеся болезненным неоновым пульсом нити были натянуты от стенок к центру. Напряжение в них было таким, что Гаррик чувствовал их вибрацию зубами. Низкая частота щеко-тала нервы в деснах.

А в самом центре этой сияющей пуповины висел Он. Блок

Памяти. Брусок идеальной, матовой черноты, размером с патронную цинку. Свет фонаря бился в его грани и просто исчезал. Артефакт не отражал лучи, он их абсорбировал. И от него разило холодом такой запредельной, космической силы, что на лицевом щитке Гаррика мгновенно расцвели узоры белой изморози.

— Иди сюда, кусок угля, — прорычал он.

Тянуть механикой было нельзя. Одно грубое движение экзоскелетом, рывок этих световых струн, и компрессия разорвет их обоих на субатомные опилки. Только руки.

Лезвие с вольфрамовым напылением вышло из ножен. Гаррик засунул левую, напряженную до дрожи руку внутрь охлажденного объема.

Чик.

Нож коснулся первой светящейся нити. Волокно не порвалось — оно аннигилировало с коротким, хлопающим звуком, плеснув на перчатку каплей сжиженного газа. Слепительно. Больно.

Гаррик повел лезвием по кругу, срезая “пуповину”. Одно волокно за другим.

Тц. Щёлк. Ч-чвак.

Влажные, неправильные звуки обрывающихся связок. Блок начал крениться, теряя опору гравитационных полей. Оставшиеся нижние струны гудели от его неестественной тяжести.

— Мешок, — скомандовал он себе. Свободными фалан-

гами левой кисти подтянул “сбросник” для магазинов, раскрыв его широкую горловину прямо под артефактом. — Падай!

Лезвие скользнуло по последнему, центральному жгуту.

Нить испарилась. Артефакт рухнул вниз, минуя полметра высоты, и ударил в брезент подсумка с такой кинетической массой, словно внутрь уронили наковальню.

Удар рванул ремни разгрузки. Лямки впились в плечи Гаррика через кевлар, вышибая дыхание. Сохраняя равновесие, он прижал холодный, обжигающий морозом комок к своему животу, быстро затягивая кордовый шнурок на горловине. Брезент моментально покрылся белой коркой.

— Взял! Валим! Майя, вектор на...

Он осекся, не договорив, не успев развернуться полностью.

Тишина Монолитного Зала, стоявшая нерушимой стеной с эпохи Затмения Эфира, внезапно дала трещину. Громоздкая физика мира лишилась своего балласта. Камень под сапогами Гаррика — тяжелый, выверенный тысячелетиями бетон — вдруг перестал быть твердым. Он завибрировал с эластичностью барабанной перепонки, уходящей вниз.

Зуммер детектора магии на руке Гаррика перестал трещать. Он просто завыл на одной, непрерывной, сверлящей ноте. Предел шкалы.

Голос прибора ввинтился под основание черепа, как раскаленное шило. Но куда страшнее звука оказалась геомет-

рия. Лучи их наплечных прожекторов — жесткие, уверенные копыя фотонов — внезапно изогнулись. Они больше не били прямо в черную стену уходящего в сумрак туннеля. Оптика пространства помутнела, преломляя свет дугами, утягивая лучи вглубь прохода, словно там, между исполинских стоек, кто-то вырвал дно из самого мироздания.

Свет и время влипали в водосток.

— Тени... — голос Майи в эфире был сухим, плоским, вычищенным от эмоций. Это был не страх, это была мертвая капитуляция наблюдателя, заглянувшего за край.

Она стояла у Гаррика за правым плечом, глядя туда, откуда они пришли. Но её чернильная тень, изломанная перекрестным светом, отклеилась от пола. С влажным звуком рвущейся липкой ленты — ч-чвак — длинное пятно оторвалось от её подошв и потекло назад, к месту вскрытия сервера. Прямо навстречу Гаррику. Маслянистая лужа двухмерной физики, всасываемая пульсирующей аномалией.

Холод пришел не волной. Воздух просто в одну секунду лишился термодинамики. Испарина на небритых скулах мусорщика кристаллизовалась. Выдох превратился в колючую ледяную стружку, осевшую на внутренней стороне стекла шлема. Окисленный вкус на языке сменился резкой вонью хирургического кварцевания и мертвой, паленой хлорки.

Гаррик резко крутнул головой, чтобы скосить взгляд на дочь. Левая рука судорожно, до боли в фалангах, вминала в живот “сбросник”. Диоды внутренней подсветки на мгнове-

ние озарили лицо девочки за мутным щитком.

Её зрачки исчезли. Расширились до состояния двух черных, втягивающих в себя пустоту колодцев. “Блокатор” вымывало из её крови радиоактивной гнилью так же быстро, как вода смывает грязь. Сознание, лишённое химического щита, начало впитываться в эту пульсирующую язву позади них. Синхронизация без её согласия.

Над верхней губой Майи набухла темная, жирная капля. Капиллярное русло в слизистой носа лопнуло от дикого скачка внутричерепного давления. Кровь побежала толчкообразной лентой, заливая рот и стекая за воротник свитера.

Девочка даже не моргнула. Её лицо оставалось равнодушной гипсовой маской. Только правая рука, затянута в толстую варежку, медленно поднялась. Майя повела ладонью по внешней поверхности бронестекла своего визора, безучастно пытаясь стереть кровь, которая заливала её изнутри.

Этот жуткий, вывернутый наизнанку жест деперсонализации парализовал Гаррика страшнее любого монстра. Она уже была одной ногой не здесь.

— Глаза на меня! В контур! — взревел Гаррик, срывая голос, перекрикивая свист густеющей атмосферы. Давящая, первобытная ярость отключила инстинкт самосохранения.

Он сделал шаг к ней, вытягивая правую стальную руку, чтобы вбить её в реальность.

В эту самую секунду векторы сломались.

Тьма между черными менгирами рявкнула: В-УУ-М. Из

разорванной пленки пространства выскользнуло нечто, не имеющее формы. Длинная, вибрирующая трещина абсолютного отрицания материи. Иссеченный по краям фиолетовым флуктуационным расчетом «шрам». Он хлестнул вслепую, мазнув по опорной стойке в двадцати метрах от них. Бетон не треснул. Стойка исчезла, стертая в субатомную пыль за миллисекунду, оставив лишь ослепительно гладкий, светящийся изнутри спил.

И тут же гравитация планеты отключилась.

Звук КРРР-РАК сотряс самую ткань воздуха. Пол, на котором они стояли, перестал быть горизонталью. Невидимая рука взяла этот многотонный зал и перевернула набок.

Притяжение бросилось им в спину — в распахнутую глотку аномалии. То, что было плоским полом с разметочными линиями, в мгновение ока превратилось в скользкую, блестящую стену отвесного колодца.

У Майи не было магнитных фиксаторов. Подошвы ботинок потеряли сцепку мгновенно.

— Па... — хрип выбило из её легких компрессией.

Тело девочки рвануло «вниз», горизонтально по зеркальному полу, скользя прямым в пульсирующую черную трещину. Трос-страховка на поясе Гаррика полетел вслед за ней, выбирая слабинку.

Один метр нейлона. Секунда. Два метра. Удар.

Рывок на разрыв.

Обычного человека этот кинетический толчок разломил

бы пополам, утянув за собой. Но Гаррик был закован в машину, и он не собирался покорно сдыхать.

Инстинкты старого сапера сработали до того, как мозг осознал геометрию катастрофы.

— Блокировка! Пиковая тяга контура! — выдохнул Гаррик в датчик шлема сквозь стиснутые зубы.

Экзоскелет завизжал сервоприводами. Вместо того, чтобы падать, Гаррик разнес ноги шире плеч и сбросил вес в левую сторону. В этот момент трос натянулся, ударив по пояснице тараном из восьмидесяти килограммов плоти, снаряжения и многократной перегрузки поля. Гаррика потащило по бетону, магниты заискрились, выпахивая стружку из покрытия. Выть от боли в мышцах было некогда.

Он выбросил вперед правую, облаченную в усиленный титан ногу и с размаху вогнал металлический сапог-зацеп в крохотный стык между соседними плитами полимера. Следом, изогнувшись дугой, ударил стальной клешней в край ближайшего постамента, вонзая манипулятор в черный композит до середины фаланг. Распорка. Мертвый клин.

Аномальная тяга выла, всасывая воздух в вакуумную утробу с воем корабельной турбины. Гаррик висел на «отвесной» стене, распятый между машиной и новой физикой.

Аккумуляторная сборка экзоскелета на спине раскалилась, как утюг, посылая ожоговые волны через кевлар в позвоночник. Гидравлические шланги внутри наруча раздулись, грозя лопнуть под невероятным давлением в 300%.

Машина стонала, перемалывая электричество, чтобы удержать тело человека на месте.

Дзинь-н-н... Страхочный фал стонал. На его конце, болтаясь над разинутой фиолетовой бездной, висела Майя.

Её шлем мотался, руки безвольно свисали к пропасти. Изнутри визора налипло уже столько крови, что она не могла ничего видеть. «Блокатор» сгорел в её метаболизме без остатка, и девчонка просто погружалась в этот голодный, чужеродный эфирный водоворот, становясь его датчиком.

Снизу, огибая скомканные законы оптики, «трещина» потянула к ней свои изломанные углы. Сокращая дистанцию. Пожирая кислород.

Гаррик скалился так, что челюстные мышцы сводило в спазме. Левая, живая, рука всё еще мертвой хваткой прижимала драгоценный Блок к груди. Поводок тянет таз. Экзоскелет рвет связки плеча в обратную сторону. На нем сейчас, словно на струне басового ключа, натянута тональность этой комнаты.

Нужен противовес.

Он разжал онемевшие левые пальцы, оставляя висящий на животе мешок наедине с холодом Блока. Рука рванулась к набедренному клапану, где покоилась тактическая спасательная химия. Пальцы сорвали гермо-стяжку. Ребристая, уродливо-свинцовая болванка.

РГС-4. Армейская граната термического стазиса, в простонародье мусорщиков — «Мерзлота». То, чем глушили ра-

диационные пожары, останавливая молекулы. Абсолютный якорь времени.

«Трещина» дернулась, застыв в паре метров под подошвами Майи, готовая стерилизовать органику.

Выдернуть чеку одной рукой в невесомости, тем более левой в толстой перчатке — ублюдочный фокус.

Гаррик ударил гранатой с зажатым в пальцах кольцом о твердый край собственной нагрудной бронеплиты. Кольцо лязгнуло, нашло упор в кромке выступающего керамического ребра. Сталь скрежетнула о керамику.

Рывок левой руки вниз — на разрыв всего бицепса.

Дзынь. Жесткая армейская пружина выплюнула шплинт. Скоба со звоном отстрелилась в пространство, мгновенно утянутая вниз, в воронку. Механизм пришел в движение. Химический детонатор холодного синтеза начал отсчет двух секунд.

РАЗ.

Он не стал кидать её. Гравитация была на его стороне. Гаррик выбросил левую руку вбок и отпустил цилиндр. Гравитационный “сквозняк” тут же подхватил тяжелую болванку. Граната полетела не по дуге, а строго вниз, параллельно висящей на тросе Майе, прямо в черный, клубящийся фиолетовыми всполохами омут, раздирающий реальность.

Он обхватил левой рукой трос, наматывая его в снопы на предплечье, рывком спины, используя последние соки гидравлики, подтягивая бесчувственную Майю на полметра вы-

ше к своей ноге. Жара от перегретой брони за спиной сменилась замораживающей болью предчувствия.

ДВА.

ПЛЮМ.

Никакого взрыва или пламени. Никакой акустической волны. Звук, с которым раскрывается стазис, похож на то, как громадный булыжник проглатывается глубоким, вязким торфяным болотом.

Пространство схватило. Азот и кислород, еще остававшиеся в провале между стеллажами, мгновенно приобрели массу бетона и сжались. Бешеная динамика распада остановилась, задавленная невыносимым давлением. Звонкая, оглушительная стена акустического вакуума упала сверху. Холод замороженного времени прокатился по залу невидимым паровым катком. Гаррик почувствовал, как ребра сдавливают чудовищной хваткой, вышибая из легких жалкие остатки кислорода. Мышцы груди замерли. Мир схлопнулся в хрустальном, неподвижном леднике.

И время замерло, раздавленное тишиной.

Глава 4

А затем гравитация вспомнила свои обязанности. Схлопывание поля локализовалось вокруг аномалии, изолировав «Трещину» в собственном временном кармане. Огромный гравитационный сдвиг, превративший пол в отвесную скалу, мгновенно выцвел, потеряв силу. И невидимый гвоздь, на котором они висели горизонтально, просто растворился. «Стены» пропасти снова стали полом.

Х-Х-РЯСЬ!

Земное притяжение вбило их в полимерный настил. Удар был таким, что арматура под покрытием загудела. Экзоскелет принял на себя основную кинетику: толстые вольфрамовые щитки на бедрах и коленях с грохотом вмялись в плиты, высекая фонтан осколков. Системы компенсации взвыли, гася инерцию, но импульса хватило, чтобы внутренности Гаррика, не защищенные гидроцилиндрами, ударились о ребра.

Шлем лязгнул о собственную ключичную пластину. В черепе взорвалась ослепительно белая сверхновая.

Темнота.

Тишина. Вязкая, ватная, отдающая медным привкусом на прокушенном языке.

Она длилась секунду. Или вечность. Восприятие таймингов обнулилось.

— ...критическое падение давления... контур три повре-

жден... — механический бубнеж интерфейса шлема пробился сквозь контузию комариным писком.

Возвращение было мучительным, как выныривание из цистерны с мазутом. Сначала — металлический, едкий вкус собственной крови, скопившейся под языком. Потом — удушье. Гаррик захрипел, судорожно втягивая в сплюснутые легкие ледяной, стерильный воздух. Диафрагму резануло болью, но она работала. Ребра целы. Грудь скрежетнула о внутреннюю стяжку бронежилета от спазматического вдоха.

Он лежал ничком на твердом, холодном полу. Правое плечо, закованное в броню, гудело трансформаторным током — техника работала на холостых оборотах, честно дожидаясь команд пилота. На груди, вминаясь в солнечное сплетение, обжигал ледяным мертвым вакуумом украденный Блок, затянутый в ткань “сбросника”.

Первая осмысленная мысль ударила по нервам током. В поясницу больше не отдавала тяжесть. Карабин страховки ослаб. Трос не натянут.

Мелкая!

Гаррик сглотнул кровавую слюну и рывком, запустив на полную мощность гидравлику корпуса, отжал себя от пола. Экзоскелет лязгнул, послушно выталкивая стокилограммовую тушу в коленопреклоненную позицию. Мутный луч наплечного фонаря мотнулся по залу.

Он нашел её мгновенно. Майя не лежала без сознания. Она стояла на коленях в двух метрах от него. Фал, связываю-

щий их, провис серой змеей. Но она смотрела не на Гаррика. И не на выход. Она смотрела прямо в эпицентр катастрофы.

Стазис не бывает поэтичным. “Мерзлота” сформировала перед ними не хрустальный шар, а бугристую, непрозрачную опухоль размером с цистерну. Пузырь цвета гниющего янтаря, похожий на застывшую каплю ушной серы. Там, в толще “медленного времени”, намертво увязла черная пульсация “Трещины”. По краям сферы медленно, словно в загустевшем мазуте, висели хлопья пыли.

Эта гигантская болезнь мироздания излучала такой гнетущий магнетизм, что шея инстинктивно втягивалась в плечи.

А Майя смотрела. И тихо, монотонно говорила. Эфир микрофона был забит статикой, но её лишенный интонаций шепот струился сквозь помехи, как вода через решето.

— ...нет структуры. Это не точка, это шов... Они трутся гранями. Слишком мало места для белого... Черное хочет выпить цвет. Они шепчутся, когда молчат. Узлы... так много перерезанных узлов... он всё равно найдет... холодно...

В свете диодов внутренней подсветки её шлема Гаррик увидел жуткую картину. Губы девочки мелко дрожали в этом бредовом ритме. Ниже носа, по бледному подбородку, к уплотнителю горловины текли две жирные, густые полосы артериальной крови. Сосуды лопнули от перепада давления. Она дышала кровью, пуская красные пузыри в стекло.

И самое страшное — её глаза. Полностью спокойные, стеклянные колодцы, поглощающие янтарный свет анома-

лии с нездоровой, гипнотической жадностью диагноста. Сознание сканировало Бездну и растворялось в ней.

— ...Оно давит изнутри, — произнесла она вдруг чистым, лишенным помех голосом. — Папа. У неё нет дна. Она... смотрит моими глазами.

Слово «Папа» резануло Гаррика хуже ржавого лезвия. Химия ушла. Ребенок был здесь. И этот ребенок стоял одной ногой по ту сторону горизонта событий.

Инстинкты взвизгнули. В таких случаях запрещены крики и резкие движения — перегруженный мозг воспримет это как атаку. Нужна грубая, материальная статика. Заземление.

Массивный механизм экзоскелета глухо застонал, когда Гаррик бросил свое тело вперед на корточках. Оказавшись перед Майей, он стал монолитом. Игнорируя протест собственной забитой спины, он возвысился над ней так, чтобы его широкая, закованная в поцарапанную броню и разгрузку грудь перекрыла ей обзор. Намертво затмевая свет янтарной опухоли.

Гаррик вытянул левую, свободную от металла руку. Плотная, пропахшая мазутом и потом варежка плавно и тяжело легла сбоку на лицевой пластик её шлема. Не ударила. Не рванула. Просто зафиксировала контакт массивной тяжестью человеческого присутствия. Сместив вектор внимания с бесконечного пространства на грязную реальность.

Он прижался лицевым щитком почти вплотную к её визору, создавая иллюзию герметичного бункера для двоих.

— Глаза на болты. Слышишь? На мои болты. В упор, птенчик. Рассматривай царапины, — пророкотал он глухо, передавая вибрацию голоса скорее через стекло шлема, чем через динамики. — Дна нет нигде. Но есть пол. Пол — бетон. Бетон холодный. Ты чувствуешь колени?

Майя судорожно сглотнула кровь. Её зрачки дрогнули, сфокусировавшись на щербинках его тактического воротника. Зависание дробилось о его тяжелый, скупой ритм приказа. Заземление сработало. Она медленно, как лунатик, моргнула.

— Да. Бетон. Влажно, — просипела она. Интонация вновь стала осмысленной, окрасилась болью в сдавленной шее.

Сзади, за спиной Гаррика, раздался звук.

Тонкий, царапающий мозг треск. Так трещит лобовое стекло погрузчика перед тем, как окончательно взорваться осколками под давлением.

Гаррик бросил быстрый взгляд через плечо.

По матовой, янтарной скорлупе стазис-сферы зигзагами побежали черные, дымящиеся вены микроразломов. “Мерзлота” жрала ресурс, сдерживая внутри материю, которая противилась остановке. Генератор не был всесильным. Из щелей в глыбе с шипением забил фиолетовый газ — эссенция концентрированной энтропии, разъедающая пол. Этим консервам оставалось секунд сорок. Срок годности истекал.

Времени на психологию не осталось.

— Отлично. Физика с нами, — процедил он, обхватывая

её руку своей закованной в сталь правой кистью. Сжав с микроскопической осторожностью, чтобы гидравлика не сломала ей кости, но достаточно крепко, чтобы она повиновалась. — Тяга на марш.

Гаррик вбросил всю мощь батареи в приводы. Машина рывком вдернула его в вертикальное положение, потащив девчонку следом. Ледяной брусок артефакта в мешке с размахом ударил по ребрам, но Гаррик даже не поморщился.

Очаг заражения позади них харкнул очередным выплеском едкого пара. Давление в Зале Памяти начало меняться, угрожая новой волной оптического искажения.

— На пандус, мелкая! Не смей отставать ни на шаг! — рывкнул он, вбивая вес тела в подъем перед первым виражом спасительной трубы. — Бегом!

Они рванулись сквозь фиолетовый туман.

Магнитные фиксаторы в сапогах Гаррика жрали заряд батареи, впиваясь в металлический каркас под слоем полимера, чтобы удержать тело на уклоне. Гидравлика бедер гудела самолетной турбиной, выталкивая стокилограммового человека и тридцать килограммов мертвого железа вверх, против вектора притяжения. Фал между ними дергался в такт шагам, связывая их судьбы сертифицированным армейским нейлоном. Левая, живая рука Гаррика судорожно вжимала в ребра «сбросник», от которого веяло температурой открытого космоса, вымораживая внутренности сквозь кевлар броника.

Они преодолели первый виток черной спирали, когда сзади, в чреве Машинного Зала, истек срок годности времени. КРАК-ХШ-Ш-Ш...

Скорлупа стазисной “мерзлоты” лопнула с оглушительным звуком рвущегося листового железа. Резкий скачок давления ударил им в спины тугой, невидимой подушкой. Атмосфера, только что скованная хрустальным холодом, вырвалась на свободу с эффектом сорванного клапана.

Гаррика швырнуло вперед, прямо на скользкий бетон уклона. Моторы экзоскелета истошно взвизгнули, гася инерцию.

Где-то далеко внизу, сорвавшаяся с привязи «Трещина» ударила в слепом бешенстве. Нить абсолютной аннигиляции метнулась вверх. Раздался стон калеченой архитектуры — гигантская металлическая ферма охлаждения под самым сводом Монолита, прожженная этой дрянью пополам, обвалилась. Тысячи тонн перекрытий рухнули в бездну, дробя древние серверы.

Сотрясение было таким, что пыль веков, копившаяся на переборках, водопадом хлынула им на плечи.

И тут сработали древние инстинкты самого здания. Аварийный контур защиты, дремавший тысячелетиями, замкнулся.

Вдоль черных плитусов шахты зажглись ходовые огни. Не белый свет. Густой, тошнотворно-желтый натриевый спектр залил винтовой пандус, отбрасывая их вытянутые,

дергающиеся тени на стены. Этот желтый мрак делал всё вокруг похожим на внутренности гнойника, разрезанного под лампой.

Нейлоновый фал за спиной Гаррика резко, до треска в поясничном позвонке, натянулся.

Бряк. Шурх.

Гаррик обернулся, балансируя на краю спирального обрыва.

Майя лежала на стыке плит. Когда защита стазиса рухнула, эфирная радиоактивная волна от аномалии пробила её нейронную сеть насквозь. Девочку не трясло. Она просто отключилась от двигательной моторики. Её руки в плотных, грязных варежках скребли желтый пол, но колени не разгибались. Тяжелый шлем со стуком бился о поверхность при каждой попытке поднять голову. Оставшийся без «Блокатора» мозг отказывался отдавать приказы конечностям, переключившись на прием информации от ревушей внизу Бездны.

— Пол... горячий... — голос Майи был тихим шелестом испорченного радиоприемника, транслирующим чужую волю. — Он потеет...

Гаррик не стал тратить секунды на маты. Он тяжело сбросил шаг по пандусу назад, подойдя к ней вплотную. Опустился на одно колено — гидравлика шарнира жалобно хрустнула под весом брони.

— На спину мне. Сцепи руки. Живо, — приказ, холодный

и рутинный, как протокол погрузки.

Её руки скользнули по грубому нейлону его разгрузки, неловко перекрещиваясь под металлическим воротником его экзо-каркаса. Запястья лязгнули о композит. Он сгруппировался, подхватывая тяжелые, защищенные в кевларовые щитки бедра девочки двумя руками — одной живой, другой стальной.

— Трансмиссия, перегруз масс-маркера, — шепнул он микрофону. Батарея на спине обдала лопатки укусом кипятка. Машина взяла на себя лишние шестьдесят килограммов мокрой амуниции и человеческого тела.

Гаррик выжал себя вверх, ставя мышцы на грань разрыва.

— Держись крепко, мелкая.

Они рванули вверх. Но стены шахты начали меняться.

То, о чем говорила Майя, стало происходить у него на глазах в тошнотворном желтом свете ходовых огней. Идеально гладкая, черная облицовка колодца покрылась испариной. Густая, мутная слизь выдавливалась прямо из монолита.

Химический запах озона сменился чем-то невыносимо органическим. Густой, сладковатый аромат дешевой ванили, замаскировавший вонь сырого, лежалого мяса. Запах хирургического отделения, где отключили электричество неделю назад.

ЧВЯК. ШЛЕП.

Сапоги перестали звенеть. Они начали вязнуть. Черный полимер пола под ногами вспучился влажными буграми,

теряя твердость бетона. Он прогибался, пульсируя теплом. Неодушевленная материя мутировала, превращая лифтовую шахту в чудовищный пищевод.

Сверху капнуло. Сперва на плечо Гаррика, разъедая верхний слой эмали с яростным шипением, затем перед самым носом. Со свода туннеля свисали набухшие, черные капли секрети. Ржавая арматура под потолком сплеталась и покрывалась фиолетовыми струпьями, похожими на вздутые вены.

Инфраструктура переваривала сама себя, обращаясь в изначальный бульон Гнили.

Пространство сужалось. «Кишечник» древнего комплекса пытался сжаться, сплющить инородные тела, которые двигались к выходу с артефактом в зубах.

— Жми, железяка! Жри батарею до дна! — прохрипел Гаррик, выкручивая ресурс экзоскелета в красную зону. Игнорируя гудящие зуммеры перегрева.

Слой биологического шлака на полу достиг щиколоток. Гаррик не бежал — он вырывал каждую ногу из этого чавкающего, пульсирующего киселя. Толчки от сердца девочки за его спиной слились в один ритм с вибрацией перегретого генератора брони. В глазах темнело от недостатка кислорода в маске — фильтры задыхались био-взвесью.

Поворот. Последний пролет.

Тусклый, серый прямоугольник впереди. Внешний шлюз «Сигмы». Раскученные их приходом створки.

В проеме, намертво расклинив броне-листы, торчал оставленный ими гидроцилиндр. Но рана в стене уже затягивалась.

Металл дверей покрылся теми же пульсирующими язвами, края расширились, набухая черным мясом, пытаясь раздавить стальную болванку спасателей. Металлический шток гидравлики изгибался дугой под давлением смыкающихся органических губ. Скрежет умирающего сплава был невыносим.

Расстояние до щели — десять метров. Зазор — едва ли полметра, и он сокращается с каждым ударом сердца.

Гаррик понял, что тормозить нельзя. Попытаешься войти боком — эта биомасса схватит и пережует их в единый сплошной комок костей и кевлара.

— Сжаться!! — рывкнул он во всю мощь надорванных связок, убирая мертвую хватку стального пальца от её бедра и перенося всю тяжесть конструкции вперед, закидывая спину.

Он опустил голову, вжимая подбородок в грудь, где куском льда морозил живот Блок Памяти. Экзоскелет застучал, набирая последнюю кинетику перед прыжком. Треск разрывающихся мышц на собственных икрах слился с визгом механизмов.

Гаррик оттолкнулся от пола всей массой. Тело в броне превратилось в ядро пушки, брошенное прямо в стягивающуюся сфинктером брешь.

Они влетели в проем в ту секунду, когда стенки коснулись их плеч. Влажная, твердая плоть шлюза с силой промышленного пресса ударила Гаррика по бокам. Керамические щитки доспеха застонали, стирая слой грязи и краски. Компрессионный удар сжал ребра, вышибив воздух так, что глаза под шлемом едва не лопнули. Камень попытался удержать их внутри, вязко цепляясь за выступающие части ранца.

Скрежет гнущегося гидроцилиндра за спиной стал оглушительным. Инструмент не выдержал. Сталь лопнула.

БЛЭНГ-ЧВАК!

Брешь захлопнулась сзади со звуком сырой плоти, бьющейся о плоть, выталкивая их с влажным чмоканьем.

Сила выброса и собственная инерция швырнули их наружу, в спасительную серость непогоды. Вниз по крутому гравийному откосу.

Гаррик перевернулся в падении, подставляя под удар усиленные пластины спины, защищая свой драгоценный балласт. Они покатались в месиво из мокрой глины, старого шлака и разбитых кирпичей. Глухие удары брони о землю. Скрежет композита. Вес, обрушивающийся на шейные позвонки. Центробежная сила размотала их, вжимая в жидкую грязь канавы у самого подножия фундамента.

Дождь. Холодный, грязный, едкий ливень сектора ударил по раскаленной металлической оболочке, тут же вскипая паром.

Настоящий, кислотный, прекрасный дождь. Вонь солярки

и торфа мгновенно смыла из ноздрей липкий запах «ванильного мяса».

Экзоскелет за спиной в последний раз захрипел перегретой гидравликой и щелкнул, уходя в защитное отключение. Монолитная тяжесть мира навалилась на тело, припечатывая Гаррика к илу.

Он лежал на спине, тяжело, судорожно вдыхая перефильтрованную грязь местных небес. Его глаза были расширены, глядя в мутную, серую пену циклона над головой. Ребра горели. Левая рука, онемевшая от холода артефакта, дрожала крупной дрожью.

— Живы... — выдавил он сипло. Выплюнул на визор изнутри мутную кровавую слюну из-под прокушенной губы. — Твою мать... Живы.

Спина ныла единым, пульсирующим гематомным узлом. Ноги, вдавленные в ил, подрагивали от мышечного отката. На животе, спрятанный в брезентовую мошну «сбросника», лежал Абсолютный Ноль. Инородный кусок мироздания вымораживал бронепластину, заставляя Гаррика дышать мелко, чтобы диафрагма не касалась ледяного пятна.

Надо было шевелиться.

Он перевернулся на бок, опираясь на гудящий левый локоть. Правый манипулятор машины с чмоканьем вырвался из засасывающей грязи, лязгнув фиксаторами.

Трос-пуповина лежал в луже, уходя концом к бесформенному темному холму метрах в трех ниже по склону.

Гаррик пополз. Не вставая, переносил тяжесть конструкции на предплечья, волоча за собой отказывающиеся от усталости ноги. Ил забивался под наколенники, скользил под перчатками.

Добравшись до скомканного прорезиненного плаща, он замер. Лицевой щиток шлема дочери был заляпан грязью так густо, что не пропускал свет фонаря. Никакого движения. Только тихий, монотонный шорох ливня по кевлару.

Окоченевшие пальцы Гаррика в толстой армейской варежке легли на ребристый клапан её дыхательной системы. Грубо, но точно нащупали вибрацию мембраны.

Клапан работал. Вдох. Выдох.

Он с силой провел предплечьем по её визору, стирая глиняную корку в сторону.

Диоды шлема осветили то, что находилось внутри.

Девочка лежала на спине, глядя прямо перед собой. Глаза были открыты. Зрачки — нормального, человеческого размера, — обрамляла полопавшаяся капиллярная сетка, превратившая белки в воспаленные красные озера. Кровь из носа, вытекшая во время гравитационного коллапса, запеклась на бледном подбородке темной коркой.

Она не билась в истерике. Она созерцала серые, давящие тучи сквозь мокрое стекло.

— Контакт, — глухо сказал Гаррик в микрофон, чувствуя, как внутри разжимается стальная пружина страха.

Майя медленно, с тягучей неохотой человека, которо-

го разбудили посреди глубокого сна, повернула голову. Её взгляд сфокусировался на поцарапанной маске Гаррика.

— Папа... — шелест в динамике.

От этого слова Гаррика передернуло сильнее, чем от сквозняка. «Папа». Маркер. Химическая плотина «Блокатора» рухнула окончательно, вымытая из крови подчистую. Теперь её нейроны стояли голыми на ветру этого больного мира.

— Струна оборвалась, — продолжила она, не меняя тона. Интонации были ровными, почти взрослыми, но в них сквозила бездонная, выпотрошенная усталость. — Как только ты кинул туда эту железку. Пространство перестало втягивать живот. Оно... выдохнуло. И нас выплюнуло.

— Забудь, — отрезал он. Его левая рука метнулась к животу, отстегивая заледеневшие карабины мешка с артефактом. — Физика дала сбой. Главное, что мы забрали то, за чем пришли.

Он с трудом сел в грязи, опираясь на лязгнувший правый привод. Вытянул из сбросника Блок. Идеально матовая чернота проступила сквозь иней. Гаррик почти не чувствовал пальцев — ткань перчатки смерзлась в костяной панцирь.

— Разворачивайся, — скомандовал он.

Майя безропотно, с грацией сломанной шарнирной куклы, перекатилась на живот, подставляя ему спину с массивным коробом экранированного рюкзака.

Гаррик откинул свинцовую заслонку контейнера. Вложил

ледяной прямоугольник в пазы. Камень вошел идеально, без зазора.

Клац. Свинцовая крышка захлопнулась, запирая вакуумный холод внутри.

Девчонка вздрогнула всем телом.

— Он тяжелый, — прошептала она, пытаясь приподняться на локтях. — Как будто мне на спину положили не камень, а... чужую вину. Он давит не в плечи. Он давит на голову.

— Потерпит твоя голова, — Гаррик защелкнул магнитные замки на её рюкзаке. — Экраны держат фон. Остальное — лирика.

Он запрокинул голову, подставляя залитый дождем визор под серое небо. Циклон не стихал. Но в этой свинцовой пелене, высоко над ними, где-то за горизонтом радиочастот, назревала угроза посерьезнее мутантов и неправильной гравитации.

Гаррик был старым псом пустошей. Он знал алгоритмы.

— Вектор перегрузки был пятого порядка, не меньше, — процедил он, тяжело дыша. — Мы тут навели такого шороху, что в Верхнем Городе сейчас все сирены глотки рвут. Гильдия не оставит пробой такого уровня без внимания.

Майя замерла. Её пальцы впились в мокрую глину.

Они оба знали, как выглядит зачистка высшего уровня. Ослепительный столб белого света, после которого от леса остаются только оплавленные лужи кремнезема, а от людей — молекулярные тени на камнях.

Гаррик уперся левой рукой в землю, правой, механической — в торчащий обломок арматуры.

— Выход на прямую, — рывкнул он операционной системе брони.

Аккумулятор тонко пискнул, показывая красную полосу заряда в четырнадцать процентов. Двигатели застонали, выдирая ноги сталкера из присасывающейся грязи, выпрямляя колени. Позвоночник хрустнул серией глухих щелчков.

Он посмотрел сверху вниз на сидящую в луже девчонку.

— Вставай, штурмовик. Кости целы, мясо нарастет. Хватайся за привод, если не можешь сама.

Майя не стала спорить. Она протянула руку, ухватившись за толстый гидравлический поршень на его бедре. Ее хватка была слабой, но Гаррик просто потянул ногу вверх, рывком механизма поднимая дочь на ноги.

Она покачнулась, поймав баланс. Вода стекала с подол её плаща грязными ручьями.

— Идти можешь?

— Ботинки... тяжелые. Но могу, — ответила она. Взгляд снова обрел фокус. Мозг, избавленный от прямого давления Бездны, начинал конструировать защитные барьеры.

— След в след. Никаких остановок. Идем к “Норе”. Там бетон выдержит, даже если небо решит упасть нам на головы.

Гаррик развернулся. Сумерки окончательно сожрали лес, оставив лишь призрачные силуэты вымерших конструкций в сером потоке дождя. Он отцепил фал, смотав его на пояс —

больше никаких “падений в никуда”. Только марш. Медленный, лязгающий, выматывающий сухожилия шаг двух беглецов, уносящих в грязном рюкзаке то, за что боги обычно стирают миры в порошок.

— Пошла, — бросил он, врубаясь массивным плечом в стену ветра.

Глава 5

Удар. Компрессионная отдача посадочных опор, вбитых в нестабильный грунт на скорости

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.